АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Долгих А. Н.
(Липецк)

УДК 947.071

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Темой настоящей работы является исследование взглядов выдающегося российского исследователя-географа, статистика и активного деятеля крестьянской реформы 1861 г. П. П. Семенова-Тян-Шанского на проблемы крепостного права в дореформенный период. Основным источником для этого являются его мемуары, недавно переизданные. Его воззрения на сей счет выглядят сегодня весьма актуально, имея в виду, что многие современные публицисты и даже историки пытаются представить крепостничество в России как довольно гуманное явление, связанное с правильной организацией сельскохозяйственного труда, обращают особое внимание на помощь помещиков крестьянам в условиях голода и всякого рода стихийных бедствий, а также полагают, что крестьянская поземельная община давала «поселянам» серьезную защиту против помещичьих притязаний в отношении личности крестьян и результатов их труда. Позиция П. П. Семенова-Тян-Шанского в этом смысле является более традиционной: он не скрывает наличие злоупотреблений помещичьим правом, особенно в отношении к дворовым людям, но одновременно стремится показать многообразие подобных отношений в большой России, высказывая задним числом надежду на то, что решение этой вековой проблемы могло было быть лишь решением «сверху», оправдывая, таким образом, последовавшую затем крестьянскую реформу 1861 г.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, дворовые люди, помещики, российское самодержавие, крестьянская община, крестьянская реформа.

The topic of this work is the study of the views of the outstanding Russian researcher-geographer, statistician and active figure of the Peasant reform of 1861 P. P. Semenov-Tyan-Shansky on the problems of serfdom in the pre-reform period. The main source for this is his memoirs, recently reprinted. His views on this matter look very relevant today, bearing in mind that many modern publicists and even historians are trying to present serfdom in Russia as a rather humane phenomenon associated with the proper organization of agricultural labor, pay special attention to the help of landlords to peasants in conditions of famine and all kinds of natural disasters, and also believe that peasant the land community gave the "settlers" serious protection against landlord claims regarding the identity of the peasants and the results of their labor. The position of P. P. In this sense, Semenov-Tyan-Shansky is more traditional: he does not hide the existence of abuses of landlord rights, especially in relation to domestic people, but at the same time seeks to show the diversity of such relations in greater Russia, expressing the hope in hindsight that the solution to this age-old problem could only be a solution "from above", justifying thus, the subsequent peasant reform of 1861

Keywords: serfdom, proprietorial peasants, household people, landlords, Russian autocracy, peasant community, peasant reform.

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-100-108

Фигура П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827-1914) – выдающегося российского исследователя-географа, статистика и видного деятеля крестьянской реформы 1861 г. – является с давних времен «принятой» и позитивно подавае-

мой и дореволюционной официальной историографией, и тогдашними либералами, и в советское время, и тем более сегодня, поэтому всякого рода критические замечания в его адрес почти не звучат. Показателен в этом отношении очерк о нем А. А. Алдан-Семенова, изданный в серии «Жизнь замечательных людей» еще в 1965 г., когда работы о подобных деятелях дворянского происхождения, да еще бывших в свое время помещиками и душевладельцами и не являвшихся революционерами (в любом смысле слова), практически не выходили, тем более в подобной серии. «Такие люди, сколько бы они ни жили, умирают слишком рано» [2, с. 297], – так завершался этот очерк-панегирик. Можно, конечно, сделать поправку на то, что в ту пору не наступил еще излет «оттепели», и все же подобное издание не было типично для советской эпохи. Подобные же позитивные оценки характерны и для нынешней историографии, что связывается и с его научными заслугами, и его значительной ролью в деле подготовки крестьянской реформы [7; 15, с. 5-43].

Темой нашего исследования являются взгляды П. П. Семенова-Тян-Шанского на состояние крестьянского вопроса в первой половине XIX в., то есть до времен начала процесса крестьянского освобождения. В качестве основного источника здесь присутствуют его мемуары, писавшиеся уже в начале XX вв. Конечно, в них имела место некая аберрация мышления, определенные неточности [15, с. 485]. Однако, с нашей точки зрения, идеи, высказанные в его воспоминаниях, вполне соответствовали тому негативному отношению к крепостному праву, особенно в правовом аспекте, которое у него проявилось и в пору «великих реформ», и, видимо, имелось и в годы его молодости. Эти взгляды интересно проследить на фоне складывания в данную эпоху так называемой «просвещенной бюрократии», которая в определенной степени была опорой и породила и «великие реформы», и стала заодно базой для формирования «золотого» и «серебряного веков» русской культуры, как писал об этом П. В. Акульшин [1]. Вообще говоря, мемуаристы, обращаясь к этой эпохе, те же дворяне, в силу ряда обстоятельств писали часто правду о чужих имениях и «прелестях» крепостничества в них, но также часто приукрашивали положение «дворни» в своих домах или усадьбах и поведение помещиков – их родственников [6, с. 49, 51-52; 10, с. 43-44, 101-103, 159-16]. В этом отношении мемуары П. П. Семенова-Тян-Шанского, с одной стороны, вполне типичны, так как о себе или о своем деде-помещике он писал в мягких красках, но, с другой стороны, старался и не скрывать негативов подобного правления в тогдашней деревне, особенно в отношении дворовых.

Все это выглядит достаточно актуально именно сегодня, особенно имея в виду то обстоятельство, что в нынешней историографии все в большей степени проявляется тенденция к оправданию крепостничества именно в данной его составляющей; высказан тезис о том, что реальные ужасы крепостничества были придуманы сначала А. Н. Радищевым, затем поддержаны В. И. Семевским, либералами и большевиками, а, на самом деле, помещик был для крестьян фактически «отцом родным», а государственная власть только тем и занималась, что, дескать, пресекала возможности не только лишать жизни крестьян, но «даже обижать» их. Налицо возвращение, на деле, как это ни прискорбно, к подобным мыслям апологетов крепостничества рубежа XVIII-XIX вв. (в разной степени) – к идеям М. М. Щербатова, М. М. Философова, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, И. В. Лопухина, Н. М. Карамзина, О. П. Поздеева, Н. С. Мордвинова, В. Н. Каразина и др., с чем мы согласиться не можем [5; 9, Т. 1, с. 265-266, 278, 296, 300, 303-304, 307-309, 312-313, 316-318; Т. 2, с. 124, 133, 141-142.13].

Однако к числу подобных изысканий относятся и работы серьезных современных историков. Так, Б. Н. Миронов отмечал, что, с одной стороны, крепостничество в России имело всеобщий характер, «охватывало все общество снизу доверху, от крестьянской избы до императорского дворца, оно пронизывало все государственные институты», характеризовалось зависимостью «человека не только от помещика и государства, но и от сословных корпоративно-общинных структур», с чем мы, в принципе, согласны. Однако, с другой стороны, в отношении владельческой деревни он признавал, что «помещичьи крестьяне, в том

числе после первой ревизии, уравнявшей их с холопами, не были… бесправны ни юридически, ни фактически… хотя они и признавались до некоторой степени собственностью помещика, это не привело к полной деперсонализации крестьян: они продолжали считаться податным состоянием, платили государственные налоги, несли обязательную воинскую повинность…, имели право обращаться в коронный суд…, могли… жаловаться на своего владельца. Последнее право было ограничено при Екатерине II, в 1767 г., однако лишь в том смысле, что нельзя было жаловаться непосредственно императрице… Убийство крепостного рассматривалось как тяжкое уголовное преступление. Крепостные имели право на защиту от бесчестья… Отношения крестьян и помещика также регулировались законом, который обязывал последнего заботиться о своих крестьянах, не доводить их до разорения, обеспечивать пропитанием в случае неурожая, не злоупотреблять своей властью под страхом конфискации имения или взятия его в опеку». Наконец, «крепостной … был защищен общиной, членом которой он являлся. Преодолеть сопротивление общины помещикам удавалось редко, и победа никогда не была полной и окончательной» [11, с. 376, 413; 12, с. 25].

Сам же П. П. Семенов-Тян-Шанский, будучи половину своей жизни помещиком, несколько иначе относился к данному явлению. Как писал об этом современный автор, уже в ранней юности ему «довелось в родовом имении на практике ознакомиться с "неписаной конституцией" поместного обычного права и со "всем тем, что было ужасного" в положении крепостных крестьян» [7, с. 486]. Его мемуары испещрены заметками на эту тему. С одной стороны, он воспринимал подобные отношения как данность и пытался обосновать их существование тем, что в свое время поместья с крестьянами давались «дворянству за его службу государству» и при этом же условии, а эти взаимоотношения, возникшие еще до Соборного уложения 1649 г., хотя и не были никак зарегистрированы, но составляли «то обычное право», по которому обе стороны жили веками, а нарушения его со стороны помещиков являлись лишь «злоупотреблениями» им. Нормальные же и типичные взаимоотношения сторон, по его мнению, соответствовали «как потребностям лучших из дворян-помещиков, так и понятиям и интересам крепких земле крестьян», которые после пожалований их деревень дворянам переходили уже под их юрисдикцию при обязанности первых заботиться о «поселянах», обеспечивая их землей примерно в том же объеме, что и барская запашка, в случае же, если земли не хватало, переводя крестьян на оброк или продавая «излишние для него тягла "на своз"» [15, с. 62-67].

В этой связи совершенно необычным для подобных рассуждений о сути крепостного права являлась позиция автора мемуаров о манифесте Павла I 1797 г. (применительно к которому обычным является мнение о спонтанности его издания, недоработанности, хотя и находящемся в русле сложившейся издавна традиции) [9, т. 2, с. 4-13] относительно ограничения барщины, который, по мнению Семенова-Тян-Шанского, «был составлен, очевидно, с полным знанием существовавшего в дворянских поместьях обычного права. Устанавливая впервые письменно… принцип равенства в размере между пахотными землями крестьянских наделов и барскими запашками, он утверждал в дворянских поместьях те же поземельные и повинностные отношения какие признаваемы были нашими дедами, и был направлен не против них, а против злоупотреблений, возникших в конце XVIII в. между некоторыми помещиками, которые, в противность обычному праву, увеличив свои запашки свыше крестьянских, вынуждены были требовать от крестьян более, чем трехдневной барщины. При соблюдении же закона и обычного права крестьянин являлся обязательным работником своего помещика только три дня в неделю, а в остальное время был свободен для своих земледельческих занятий». Правда, в ряде случаев все же случались злоупотребления, заключавшиеся в том, что в страдную пору «помещики не назначали заранее дней барщины на целую неделю вперед» (а значит, такой порядок реально существовал), «а выбирали для нее лучшие дни, то есть наиболее пригодные для полевых работ, а худшие, в которые по ненастью трудно было работать, засчитывали в крестьянские дни». Что же касалось зимних месяцев, то помещики посылали в тот период крестьян зарабатывать оброки и продавать их

зерно в городах, что «давало крестьянам почти единственные при крепостном праве денежные заработки», естественно, уже не контролируя ситуацию с тремя днями обязательной барщины, при этом крестьянки занимались в эти обязательные дни прядением льняной пряжи, вязаньем и др. [15, с. 63-64].

Продолжая общий обзор традиционных крепостнических отношений в российской деревне, автор мемуаров отмечал все же, что именно при осуществлении барщинной работы помещики прошлого «чувствовали себя вооруженными ничем не ограниченным правом дисциплинарных взысканий, осуществлявшихся ими со строгостью тогдашней военной дисциплины», что выражалось нередко «в кулачных расправах и телесных наказаниях», большая или меньшая их «суровость» зависела уже от индивидуальных свойств помещика. Однако, по его мнению, хозяева имений прибегали к ним «не часто», так как «опытные в полевых работах крестьяне не могли и не смели при непрестанном наблюдении самих помещиков исполнять их неисправно» [15, с. 64]. С другой стороны, традиция велела помещикам поддерживать разными способами их крестьян в годы неурожаев, при пожарах, падеже скота и др., кормить их, что было реально только для лучших землевладельцев, не столь алчных в отношении собственных крестьян, в противном случае крестьяне их «шли по миру» и погибали от последствий голода – отсюда малый «численный прирост населения у крестьян дворянских поместий», в отличие от крестьян государственных имений [15, с. 65].

Наконец, помещик в прежние времена не вмешивался практически в домашние дела его крестьян, не имея «ни времени, ни охоты» этим заниматься. Это касалось и имущественных, и личных отношений его «подданных». Подобные дела разрешались, в основном, «судом стариков» («верных носителей того обычного права, которое народ выработал веками под влиянием различных… условий»), а помещики лишь изредка их утверждали, например, при семейных разделах. С другой же стороны, эти же традиционные отношения в деревне «не попадали в письменные кодексы, которые писались господами для господ же и совсем не касались крестьянской жизни, отгороженной непроницаемой стеною крепостного права от государственной и даже почти от всякой судебной власти». Поэтому, с точки зрения мемуариста, крепостное право не носило «характера невольничества» и не казалось «поселянам» таковым. (Кстати, близкой к нему позиции по данному вопросу придерживался и его младший брат – Н. П. Семенов, считавший, что «внутренняя жизнь общины и при крепостном праве развивалась и текла самостоятельно и свободно»).

Однако, когда помещики нарушали эти сложившиеся издавна порядки, увеличивая барщину, усиливая взыскания, имевшие иногда «характер истязаний» (что сегодня нередко игнорируется многими исследователями и публицистами), заменяя их элементарным произволом, когда крестьяне убеждались, что у них не было никакого иного выхода, а жалобы их в любые инстанции игнорировались, как правило, дело разрешалось «общественною катастрофой, принимавшею одну из трех форм: или общественного самоуправства, или вооруженного… бунта, или, что было всего чаще, тайного убийства помещика...» Подобные явления чаще всего, по мнению мемуариста, происходили «из обычного права помещика брать в свой двор в личную свою послугу, временную или постоянную, отдельных членов крестьянской семьи», которую он именовал своеобразной «рекрутской повинностью» помещику, казавшуюся «поселянам» «весьма тяжелою, так как она вырывала из состава их семьи иногда даже лиц, обеспечивающих ее жизнь и существование». Особенно тяжелым, с точки зрения крестьян, было взятие помещиком на роль наложницы «молодой замужней крестьянки», что подрывало основу существования семьи, так как ее муж теперь не мог вступить в новый брак со всеми вытекающими отсюда последствиями. Судя по всему, гибель прадеда и прапрадеда мемуариста были связаны с такими же и им подобными обстоятельствами, – так, по-видимому, думал на сей счет П. П. Семенов-Тян-Шанский [14, с. 60-61; 15, с. 66-68].

Отдельно он рассматривал здесь ситуацию взаимоотношений помещиков с дворовыми людьми. Они, по его мнению, «были крепки уже не земле, которою не пользовались, а самому помещику, и состояли по отношению к нему в личной кабале»; при этом право хозяев поместий распоряжаться их трудом «и налагать на них дисциплинарные взыскания ничем не ограничивалось, и никаких по отношению к ним обязанностей помещики не имели, кроме бесконтрольной, впрочем, обязанности их прокормления и содержания», чем помещики тяготились, а в случаях отсутствия съестных припасов в голодные годы распускали их «по паспортам на собственное прокормление» даже без выплаты оброка (как это было, по словам мемуариста, например, в Смуту начала XVII в.). При этом возвращение дворовых, которые стоили «недешево» помещикам, в крестьянство было, как правило, невозможным, так как они быстро отвыкали от тяжкой крестьянской работы и не становились уже исправными «поселянами»-земледельцами; тогда помещики прибегали к запретам браков между дворовыми, чтобы не увеличивать их числа. Именно в отношении этой категории владельческой деревни отношения двух сторон приобретали крайний характер. По словам мемуариста, ежечасные отношения помещиков к людям бесправным, неограниченно им подчиненным и не имевшим даже права жалобы на самые невыносимые и самые ужасные притеснения, страшно деморализовали не только целые поколения дворовых, но и самих помещиков и поддерживали в них ничем не обузданные страсти. Грубый, жестокий произвол, ежедневная кулачная расправа, тяжкие телесные наказания по отношению к мужской прислуге, а по отношению к женской – обращение ее «девичьих» в гаремы, ненависть барынь к фавориткам своих мужей и жестокие до истязания наказания формально провинившихся – были настолько нередким и привычным явлением в помещичьих усадьбах, что даже не возбуждали особого негодования дворовых, которые «прибегали к последнему отчаянному средству – убийству помещиков или помещиц – только тогда, когда положение их делалось действительно безвыходным» [3, с. 217, 225-227; 4, с. 223-224; 15, с. 68-71].

Мнение человека, видевшего все это и знавшего всю подноготную крепостного права (фактического «рабства», как именовали его сторонники крестьянской эмансипации) [8; 16, с. 259-298], нельзя не учитывать при анализе реального положения вещей в дореформенной России. Чего только стоит его рассказ об известном изверге – помещике Карцове, заживо сварившем в павловское правление в котлах своих крепостных, задумавших заговор против него из-за всякого рода издевательств, дело о котором так и не было завершено вследствие взяток должностным лицам; о гаремах для гостей, организованных неким предводителем дворянства перед самой реформой [15, с. 144-145, 234].

Достоверность его словам придают и воспоминания о своем деде-помещике. При этом он пишет о том, что последний снискал «своей высокой честностью и справедливостью уважение» в том числе и подвластных ему крестьян. В записках Семенова-Тян-Шанского он в данном контексте подан в роли «родного отца» для подвластных ему крестьян (причем, используя здесь выражение самих «поселян»). Отмечено также, что «в то время от сельского хозяина не требовалось никаких теоретических познаний» в агрономической сфере; они должны были быть «хорошими администраторами, непосредственно руководящими работами своих крепостных на свою и их пользу» (очень характерное в своей простоте наблюдение!), при этом они должны также быть ко всем подопечным «справедливыми» в своих требованиях и одновременно «заботливо ограждающими их от случайных и стихийных бедствий». В силу указанных причин этой должности лучше соответствовали, по мнению мемуариста, «люди военные», привыкшие командовать «строевыми и хозяйственными частями», или флотские офицеры, имевшие «целый цикл научных познаний».

Особенное внимание этот «справный» хозяин уделял тому, чтобы барская запашка равнялась по числу десятин крестьянской, при этом следуя смыслу «высокогуманного», по мнению Семенова-Тян-Шанского, вышеупомянутого павловского «закона о трехдневной барщине» 1797 г. (он так его именовал), как его понимал, видимо, сам изображенный в записках помещик. Автор мемуаров отмечал, что «при ежедневном наряде на работы дед…

соблюдал строгую справедливость в распределении дней между барщиною и крестьянскими рабочими днями, неусыпно заботясь о том, чтобы в страдную пору крестьяне успевали вовремя справиться одинаково и с барщиною, и с уборкою своего хлеба»; при этом к «неизбежным, по тогдашним понятиям, телесным наказаниям дед… прибегал редко, да и не имел повода, так как крестьяне при постоянном его наблюдении за полевыми работами привыкли исполнять их исправно». Особенно его крестьяне ценили за то, что в годы неурожаев (случавшихся примерно раз в 7 лет) или разного рода бедствий «весь ущерб пополнялся им непосредственно и немедленно», не допуская их нищенства и «употребления» ими в голодные годы «того ужасного черного плотного землистого на вид хлеба, который приготовлялся из лебеды с примесью желудей, коры, мякины и даже чернозема…»

Показательно также, что, по словам автора записок, его дед «во внутреннюю жизнь своих крестьян… мало вмешивался», не позволяя себе, как «многие соседние помещики, принудительных браков, производимых ими по необузданному произволу, а иногда даже в виде насмешки, глумления или забавы». Вообще всякого рода крестьянские споры он предоставлял сельскому сходу и «суду стариков». Тем не менее, и в этом автор мемуаров не старался приукрасить крестьянскую жизнь; они «жили тесно и грязно в своих курных избах, не имевших дымовых труб». Еще в худшем положении были дворовые (позднее их было около 60 душ обоего пола), не имевшие никакой собственности, по ночам спавшие «на полу и без всяких кроватей», хотя «прокормление их… было всегда хорошо обеспечено». Тем не менее автор мемуаров с гордостью отмечал, что за 30 лет управления его дедом имения Рязанка количество крестьян в нем «значительно увеличилось», хотя «вообще крепостное население» в России, по его словам, «почти не прирастало… до эпохи» их освобождения [15, с. 58-62, 71].

Наконец, он приводил в своих воспоминаниях и сведения о собственном опыте хозяйствования в с. Петровка Тамбовской губернии с 1847 г., причем постепенно проникаясь «убеждением в несостоятельности существующего порядка и в том деморализующем влиянии, какое он имеет не только на крепостных…, но и на самих помещиков». Тяжело было смотреть, по его словам, на то, «что даже люди образованные, добрые, под влиянием крепостного права становились нередко жестокими и даже бесчеловечными, и что злоупотребление крепостным правом… проявлялось на каждом шагу под влиянием ничем не сдерживаемых личных интересов или страстей. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как по вечерам к помещикам являлись бурмистры и старосты их селений и некоторые из крестьян, призванные для объяснений, и как помещик производил в своем кабинете суд и расправу над крепостными. Самой легкою для виновных была кулачная расправа в самом кабинете… Гораздо тяжелее были телесные наказания через посредство дворовых людей, которые от ежедневного и даже ежечасного соприкосновения с крепостными порядками становились самыми зверскими и безнравственными из крестьян». Эти идеи он неоднократно повторял в своих записках.

Автор мемуаров обращал внимание на то обстоятельство, что «все злоупотребления со стороны помещиков… совершались открыто и не возбуждали никакого негодования и протеста со стороны того меньшинства помещиков, которые сами действовали безукоризненно, а втихомолку и действительно принимали отеческие заботы о благосостоянии крепостных людей». Данное заключение Семенова-Тян-Шанского убедительно показывает, насколько мало влияния имела крестьянская община в подобных случаях, как действовал помещик и в отношении ее руководителей, а также сколь мизерным было влияние на сельских хозяев и общественного мнения (как писала в записках о той эпохе Е. Н. Водовозова, «почтенные гости» в те годы внимали «с веселием детской души» историю о том, как некий помещик «за проступок одного крестьянина выдрал всех мужиков и баб… от старика деда до пятилетней внучки», рассматривая его действия как подвиги «древних героев») и законодательства относительно ограничения помещичьих прав в отношении «крещеной собственности» [6, с. 60; 15, с. 197-198, 232-234].

В заключение отметим, что подобный собственный опыт владения крепостными душами приводил, судя по мемуарам, Семенова-Тян-Шанского к выводу о том, что «в глазах сельских хозяев… расправы и вообще телесные наказания были неотъемлемой принадлежностью обязательного крепостного труда – барщины», а сам автор воспоминаний (и в этом мы ему верим) убеждался в том, что «улучшить быт крестьян невозможно иначе, как при полной отмене барщины, а следовательно, при освобождении крестьян от крепостной зависимости; это же могло бы произойти, с его слов, не иначе, как, по выражению А.С. Пушкина, – "по манию царя…"», при этом обращая особое внимание на то обстоятельство, что даже в начале 1850-х гг., по его мнению, «никакого сознания в необходимости отмены крепостного права в поместном дворянстве… почти еще не было» [4, с. 222-223; 15, с. 199, 235].

Список источников и литературы

1. Акульшин, П. В. (2002). *П. П. Семенов-Тян-Шанский и формирование «просвещенной бюрократии» середины XIX в.* // История и развитие идей П. П. Семенова-Тян-Шанского в современной науке и практике школьного образования (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Т. 1. Липецк: РИЦ ЛГПУ. С. 12-13.
2. Алдан-Семенов, А. А. (1965). *Семенов-Тян-Шанский*. Москва: Молодая гвардия. 304 с.
3. Беловинский, Л. В. (2002). *Изба и хоромы. Из истории русской повседневности.* Москва: ИПО Профиздат. 352 с.
4. Беловинский, Л. В. (2016). *Культура русской повседневности: Учебное пособие.* Москва: Академический проект. 716 с.
5. Вахитов, Р. *Крепостное право в России: миф и реальность*. URL: https://fishki.net/anti/1700973-krepostnoe-pravo-v-rossii-mif-i-realnost.html.
6. Водовозова, Е. Н. (1987). *На заре жизни: в 2 т. Т. 1 /вступ. ст., подг. текста и коммент. Э. С. Виленской.* Москва: Художественная литература. 511 с.
7. Гловели, Г. Д. (2005). *Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович* // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. Москва: Издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». С. 486-487.
8. Долгих, А. Н. (2015). *Об использовании понятий «рабство» и «свобода» в отношении владельческих крестьян России первой четверти XIX в.* // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.: сборник статей / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет. С. 14-18.
9. Долгих, А. Н. (2018). *«Увижу ль о друзья, народ неугнетенный…»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: в 2 т.* Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.
10. Каменская, М. Ф. (1991). *Воспоминания / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Боковой.* Москва: Художественная литература, 1991. 383 с.
11. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
12. Петрухинцев, Н. Н. (2004). *Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в.* // Вопросы истории. № 7. С. 23-40.
13. Савельев, А. *Выдумки о «темном царстве крепостничества»*. URL: https://www.russdom.ru/node/3671 (дата обращения: 21.03.2022).
14. Семенов, Н. П. (1994). *Быт крестьян до обнародования Положения 19 февраля 1861 года* // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. Москва: Издательство МГУ. С. 58-61.
15. Семенов-Тян-Шанский, П. П. (2019). *Мемуары: в 5 т. Т. 1. Детство и юность. 1827-1855 /вступ. ст. и коммент. А. А. Богданова и М. А. Семенова-Тян-Шанского.* Москва:

Издательство «Кучково поле». 560 с.

16. Тимофеев, Д. В. (2011). *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века.* Челябинск: Энциклопедия. 456 с.

References

1. Akul'shin, P. V. (2002). *P. P. Semenov-Tyan-Shanskij i formirovanie «prosveshchennoj byurokratii» serediny XIX v.* [Semenov-Tyan-Shansky and the formation of the "enlightened bureaucracy" of the middle of the XIX century] in Istoriya i razvitie idej P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo v sovremennoj nauke i praktike shkol'nogo obrazovaniya (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii). Vol. 1. Lipetsk, RIC LGPU, 12-13. (in Russian).

2. Aldan-Semenov, A. A. (1965). *Semenov-Tyan-Shanskij* [Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, Molodaya gvardiya. (in Russian).

3. Belovinskij, L. V. (2002). *Izba i horomy. Iz istorii russkoj povsednevnosti* [Izba and mansions. From the history of Russian everyday life]. Moscow, IPO Profizdat. (in Russian).

4. Belovinskij, L. V. (2016). *Kul'tura russkoj povsednevnosti: Uchebnoe posobie* [Culture of Russian everyday life: Textbook]. Moscow, Akademicheskij proekt. (in Russian).

5. Vahitov, R. *Krepostnoe pravo v Rossii: mif i real'nost'* [Serfdom in Russia: myth and reality]. URL: https://fishki.net/anti/1700973-krepostnoe-pravo-v-rossii-mif-i-realnost.html. (in Russian).

6. Vodovozova, E. N. (1987). *Na zare zhizni: v 2 t. T. 1, vstup. st., podg. teksta i komment. E. S. Vilenskoj* [At the dawn of life: in 2 vols. Vol. 1, introductory article, subg. text and commentary. E. S. Vilenskaya]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (in Russian).

7. Gloveli, G. D. (2005). *Semenov-Tyan-SHanskij Petr Petrovich* [Semenov-Tyan-Shansky Pyotr Petrovich] in [Public thought of Russia of the XVIII – early XX century: Encyclopedia]. Moscow, Izdatelstvo Rossijskaya Politicheskaya-ehnciclopediya (Rosspehn), 486-487. (in Russian).

8. Dolgikh, A. N. (2015). *Ob ispol'zovanii ponyatij «rabstvo» i «svoboda» v otnoshenii vladel'cheskih krest'yan Rossii pervoj chetverti XIX v.* [On the use of the concepts of "slavery" and "freedom" in relation to the proprietorial peasants of Russia in the first quarter of the XIX cent] in Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI v.: sbornik statej / otv. red. A. I. Shevel'kov. Kolomna, Gosudarstvennyj Socialno-gumanitarnyj universitet, 14-18. (in Russian).

9. Dolgikh, A. N. (2018). *«Uvizhu l' o druz'ya, narod neugnetennyj…»: rossijskoe dvoryanstvo i krest'yanskij vopros v XVIII – pervoj chetverti XIX v. Istoriograficheskie ocherki: v 2 t.* [«I will see about friends, the people are not oppressed...»: the Russian nobility and the peasant question in the XVIII – first quarter of the XIX century. Historiographical essays: in 2 vols.]. Lipetsk, LGPU im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. (in Russian).

10. Kamenskaya, M. F. (1991). *Vospominaniya / Podg. teksta, sost., vstup. st. i komment. V. Bokovoj* [Memoirs / Subg. of the text, comp., intro. art. and comment. V. Bokova]. Moscow, Hudozhestvennaya-literatura. (in Russian).

11. Mironov, B. N. (1999). *Social'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. T. 1.* [Social History of Russia (XVIII – early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).

12. Petruhincev, N. N. (2004). *Prichiny zakreposhcheniya krest'yan v Rossii v konce XVI v.* [The reasons for the enslavement of peasants in Russia at the end of the XVI century] in Voprosy istorii, 7, 23-40. (in Russian).

13. Savel'ev, A. *Vydumki o «temnom carstve krepostnichestva»* [Fictions about the «dark kingdom of serfdom»]. URL: https://www.russdom.ru/node/3671 (date accessed: 21.03. 2022). (in Russian).

14. Semenov, N. P. (1994). *Byt krest'yan do obnarodovaniya Polozheniya 19 fevralya 1861 goda* [The life of peasants before the promulgation of the Regulations on February 19, 1861] in Konec krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i). Sost., obshch. red., vstup. st. i komment. V. A. Fedorova. Moscow, Izdatelstvo MGU, 58-61. (in Russian).

15. Semenov-Tyan-SHanskij, P. P. (2019). *Memuary: v 5 t. T. 1. Detstvo i yunost'. 1827-1855 / vstup. st. i komment. A. A. Bogdanova i M. A. Semenova-Tyan-SHanskogo.* [Memoirs: in 5 vols. Vol. 1. Childhood and youth. 1827-1855 / introduction and commentary by A. A. Bogdanov and M. A. Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (in Russian).

16. Timofeev, D. V. (2011). *Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka* [European ideas in the socio-political lexicon of an educated Russian citizen of the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, Encyclopedia. (in Russian).